

МЭЙ УЭСТ,
НИЛ МАККЕЙ

ЛЮБЛЮ
ТЕБЯ,
МАМА

**МОИ РОДИТЕЛИ – МАНЬЯКИ
ФРЕД И РОЗМАРИ УЭСТ**

INSPIRIA

Москва
2022

Эта книга описывает физическое и сексуальное насилие, пытки и другие сцены, которые могут расстроить читателя. Некоторые имена в книге изменены, чтобы сохранить право этих людей на частную жизнь.

Мэй Уэст — самая старшая из выживших дочерей Фреда и Розмари Уэст.

Эта книга — ее история.

Пролог

КЛЕЙМО

Королевская даремская тюрьма

Хочу, чтобы ты знала — ты можешь рассказывать мне обо всем, о чем хочешь. Ты наверняка порой чувствуешь себя очень плохо и одиноко. Понимаю тебя. Я скучаю по тебе так сильно, что иногда даже злюсь. Должно быть, очень гадко, когда рядом нет родного человека, чтобы поговорить, нет мамы, чтобы высказать ей все, что на душе... Я люблю тебя и хочу сделать все возможное, чтобы ты поскорее пережила все это и стала как можно счастливее!!!

Люблю тебя,
мама

Январь 1996 года. Я была беременна, почти на девятом месяце. Все, что я знала наверняка, показал результат УЗИ на двадцатой неделе — это девочка. Все остальное мне было неизвестно. Конечно, многие женщины нервничают перед рождением своего первого ребенка. Вот и мне тоже приходили на ум самые разные тревожные вопросы. Родится ли малышка вовремя, припозднится или появится раньше? Насколько это больно? Какие будут сложности? Что я почувствую, когда увижу новорожденную впервые? Сразу ли полюблю ее, или на это потребуется какое-то время? Стану ли я хорошей матерью с годами? Будет ли дочка

любить меня? Думаю, что в этот период многие женщины обращаются к своим матерям за советом и поддержкой. А может, кто-то из них даже просит маму присутствовать с ней во время родов.

Но я знала, что для меня все это недостижимо, потому что моей мамой была Роуз Уэст.

Тогда, всего два месяца назад, в ноябре 1995-го, ее обвинили в убийстве девяти девушек и маленькой девочки, а суд над ней и ее мужем стал одним из самых скандальных в истории преступлений. Одной из убитых была моя сестра Хезер. Моя мама была приговорена к пожизненному заключению, и судья сказал, что ее никогда не выпустят на свободу.

По мнению многих людей, она была самой ужасной женщиной в мире.

После того как мою маму признали виновной, я решила порвать все связи с городом Глостер, где росла в доме номер 25 на Кромвель-стрит и где моя мама с папой по имени Фред Уэст совершали все эти преступления. Мне нужно было начать новую жизнь вместе с ребенком в новом городе, подальше от душераздирающих воспоминаний детства; там, где ужасная слава Фреда и Роуз Уэст не будет преследовать нас по пятам. По многим причинам, о которых я еще расскажу, оставалось не так-то много времени, чтобы все тщательно спланировать или продумать, как и куда переезжать. Но я знала, что должна попытаться. Мы с моей сводной сестрой Тарой и ее маленьким сыном Натаном перестали снимать дом с тремя спальнями в двадцати пяти милях от мест моего детства. Таре было девятнадцать, мне двадцать три. Мы никого не знали и не могли допустить, чтобы кто-то выяснил, кем мы являемся на самом деле, а поэтому старались жить незаметно. Я и Тара могли рассчитывать только друг на друга. Когда она выходила из дома, мне

становилось очень беспокойно. Непривычный шум в трубах или у соседней квартиры заставлял мое сердце биться быстрее. Я то и дело поглядывала на входную дверь, пока ждала, когда вернется Тара. Изредка мы выходили из дома вместе, попить чаю в кафе, и тогда я изо всех сил старалась сесть там, где меня не заметят, а также всегда отмечала, где дверь, чтобы быстро выбежать, если нас вдруг узнают. В этом городе мы с Тарой были совершенно одни, но это, по крайней мере, означало, что у нас был шанс избежать внимания журналистов.

Срок уже подходил, а малышка стала ворочаться меньше обычного, и это очень меня встревожило. Я совершенно не знала, должно быть так или нет. Это всего лишь одна из мелочей, про которую мне стоило узнать от мамы, если бы она была рядом со мной, — в конце концов, она родила восьмерых. Но, разумеется, я не могла спросить ее совета, а Тара хоть и родила, но все-таки была совсем молодой и не очень опытной мамой. Так что я позвонила в больницу — центральную в Челтнеме — и меня попросили прийти на осмотр.

Больница производила мрачное, гнетущее впечатление. Ее серый каменный фасад и огромные окна выглядели так, словно это психиатрическая лечебница, но там было чисто, и что самое главное, она находилась не в Глостере. Я не хотела, чтобы в документах этот город значился как место рождения моей дочери.

Примерно через день после осмотра врачи сказали, что все в норме и роды должны начаться уже со дня на день. Тара пришла навестить меня. Когда мы росли, то держались вместе, чтобы пережить приставания папы и жестокость мамы, так что рядом с ней я чувствовала хорошо знакомый мне комфорт. Я тоже была рядом, когда она рожала Натана, и сейчас радовалась ее ответной поддержке. Однако мне все еще было страшно. Мама всегда рассказывала о родах, как о чем-то несложном, описывала их

так сухо и прямо, будто это раз плюнуть. Ни разу она не говорила о боли и сложностях.

Я помню, что на первичном осмотре слова акушерки прозвучали неутешительно.

— Рано вам пока в родильную палату, — небрежно сказала она, будто я мешала ей работать.

— Почему?

— Раскрытие всего два сантиметра. А должно быть как минимум пять.

Она вела себя строго и неприветливо, а может, я была вся на нервах — да и других причин было полно, — но это меня неприятно впечатлило. Слава богу, меня поддерживала Тара. Мы вместе ждали продолжения родов, пока наконец раскрытие не достигло пяти сантиметров, и акушерка не согласилась отвезти нас в родильную палату. Боль была невыносимой, но после эпидуральной анестезии она утихла, и я просто лежала там, в этой крохотной комнате, разговаривая с Тарой. И ждала. Однако прошло тридцать часов с начала родов, но малышка не торопилась родиться. Я очень устала. Я недоумевала, как мама могла пройти через это целых восемь раз. Мне казалось, я делаю что-то неправильно. А когда в нашей с Тарой беседе наступала пауза, я замечала, что мечтаю о том, чтобы Хезер тоже была сейчас со мной.

Наконец врач и акушерка сказали, что раскрытие полное, и можно начинать тужиться. Я так и поступила. Я тужилась и тужилась, пока не стала чувствовать, что лицо мое посинело, а кровеносные сосуды в глазах готовы лопнуть. А моя дочь все не рождалась. Наконец они сказали, что собираются сделать мне кесарево сечение. Я совершенно упала духом и пыталась не разреветься. Я сказала им, что не хочу кесарево, пусть роды пройдут нормально. Причину этого желания сказать я им не могла — в моей жизни произошло так много ужасного, что я была совершенно не уверена в себе как в будущей матери. А потому

родить моего ребенка тем же образом, как рожают нормальные матери, для меня было очень важно.

Как бы то ни было, они не особенно обратили внимания на мои возражения. Акушерка дала мне таблетки и сказала, что их нужно принять перед тем, как начать кесарево сечение. Но затем молодой врач, видя мое беспокойство, сказал, что можно дать классическим родам еще один шанс с помощью вакуум-экстрактора — это приспособление, которое присасывается к голове плода и помогает вытянуть его наружу. Мне сделали еще один укол эпидуральной анестезии, и часть кровати оказалась скрытой от меня. Я слышала, как включилось устройство, как работает врач, а затем — после всего этого ужаса и боли — за какие-то секунды она родилась. Краснолицая, пухленькая, чудесная моя девочка. Ее положили мне на живот — она казалась такой крошечной и в то же время такой тяжелой.

Я посмотрела на нее и подумала: «Наконец-то, ну вот и она. Это моя малышка, буду любить ее и беречь». Тара плакала. «Это самый прекрасный ребенок, которого я только видела», — сказала она. Я была совершенно измучена, вокруг гудела куча приборов, из моей руки торчали трубки, но все это было не зря. Она появилась на свет. Моя дочка Эми.

Одна из акушерок взвесила ее — 3,345 килограмма. У нее было по десять пальчиков на руках и ногах, она была полностью здорова, все было в норме, за исключением шишкообразной головы из-за вакуум-экстрактора, но мне сказали, что ее форма восстановится в течение нескольких дней. Меня помыли, и затем мы обе переместились в отделение с другими мамами и новорожденными. Было уже далеко за полдень, и Тара выглядела вымотанной не меньше, чем я. На всем этом пути она была моей защитой и опорой. Я сказала, чтобы она отправилась домой и отдохнула.

Я все еще не чувствовала ног после анестезии. Посреди ночи я попыталась встать с кровати, но упала на пол и ушибла спину. Это так хорошо меня характеризовало — я думала, что могу вести себя как обычно, хотя мне еще нужно было восстановиться. Я села на холодный линолеум и оглядела непривычную для меня обстановку: яркие лампы дневного света из коридора, другие кровати со спящими матерями, такими же девочками с новорожденными, как я, но совсем на меня не похожими. Я снова села в кровать, и после ухода Тары те чувства, которые я старалась сдерживать, вдруг нахлынули изнутри, сдавили мне горло и грудь, и на миг я подумала, что сейчас заплачу.

Тогда я посмотрела на чистую пластмассовую кроватку рядом со мной — Эми спала. Она была такая маленькая, незащитная. Я легла и стала просто смотреть на нее, как ходит вверх-вниз ее крошечная грудная клетка. Оттого, что она казалась такой довольной и мирной, я и сама стала успокаиваться. Я снова думала: «Вот моя девочка — в моей жизни есть та, кому я могу дарить любовь и получать любовь взамен», — и в этой мысли было какое-то волшебство. Однако, несмотря на все это, я не могла отогнать и другую мысль: «Вот бы мама увидела ее». Наконец я заснула.

Следующий день выдался непростым. Казалось, ко всем мамам вокруг меня приходили бесчисленные посетители — с шариками, цветами и открытками. Когда ко мне пришла Тара, я очень обрадовалась. Я чувствовала себя больной, раздраженной, уставшей. После эпидуральной анестезии я начала отекать, ноги мои распухли, я плоховато двигалась, но старалась показать акушеркам, что способна справляться со всем, что требуется Эми. Сейчас родильные отделения выписывают всех как можно скорее, но раньше новоиспеченную мать выписывали, только когда она сможет самостоятельно ухаживать за младенцем. И в том числе мне нужно было уметь правильно приготовить бутылочку.

— Вы делали это раньше? — спросила меня акушерка.
— Много раз, — ответила я.
— Но это же ваш первый ребенок, верно?
— У меня большая семья. Я все это делала, когда ухаживала за своими младшими братьями и сестрами.

Я почувствовала, что краснею — внезапно я поняла, что могу проговориться о многом, если она станет расспрашивать меня о семье дальше.

Но она не стала, просто велела показать, как я это делаю.

Она стояла и смотрела, как я готовлю бутылочку молочной смеси, а потом сказала, что я умею это делать и что это хорошо.

Правда, из-за отека меня еще не были готовы выписать, и я вернулась в отделение. Другая акушерка зашла спросить, хочу ли я почитать журнал, пока Эми спит. Я с благодарностью согласилась, и через пару минут она принесла номер «Космополитан». Я начала листать его — там были диеты после Рождества, советы по укладке волос, и тут, к моему ужасу, на одном из разворотов оказалась статья о женщинах-убийцах. Одной из этих женщин была моя мама. Я попыталась отвести глаза, но не смогла: я поймала себя на том, что не просто проглядываю статью, а читаю обо всех преступлениях, которые совершила моя мама, о ее жизни с папой, о найденных телах девяти девушек, которых изнасиловали, расчленили и похоронили в «Доме ужасов» — так называли дом номер 25 на Кромвель-стрит, где я выросла и где год назад мой папа покончил с собой.

Мне стало плохо. Понимание того, что я никогда не смогу убежать от всего этого, стало во мне нарастать, и я почувствовала себя разбитой и беспомощной. Тогда я стала думать, а вдруг акушерка специально дала мне этот журнал? Вдруг она догадалась, кто я? Мне это показалось вполне правдоподобным — мои записи в родильном отделении были сделаны под другим именем, однако со-

трудники могли получить доступ к старым записям в обшей карте и выяснить, что я дочь Фреда и Розмари Уэст. Могли они дать мне этот журнал, просто чтобы таким образом жестоко пошутить?

В глубине души я понимала, что это вряд ли может быть правдой, но не могла отбросить до конца подозрение в том, что это так и есть. Я пыталась убедить себя в том, что это чистое совпадение, но у меня было чувство, будто сотрудники отделения следят за мной. Одна из акушерок велела мне, чтобы Эми чаще находилась в положении лежа из-за мокроты в груди. Тем же вечером ко мне заглянула Тара и захотела ненадолго обнять Эми. Она подняла малышку с кровати, но акушерка увидела это и подошла к нам.

— Я же сказала, что она должна лежать, — рывкнула она и отобрала Эми у Тары.

— Я хотела поддержать ее всего минутку! — расстроено ответила Тара.

— Она моя сестра, пусть подержит, — сказала я.

Однако акушерка стояла на своем.

— Мне все равно, кто она. Вы мать и должны делать то, что лучше для ребенка!

Эта акушерка не могла знать, насколько я была уязвима перед подобными словами. Они прозвучали мерзко и унизительно, они легко могли лишить меня и без того небольшой уверенности в том, что я буду хорошей мамой для Эми. В больнице ко мне не проявляли теплоты с самого начала, а тут мне стало казаться, что вообще все настроены против меня. Все, чего я хотела, — это забрать Эми и убежать оттуда.

В конце концов, в воскресенье меня выписали. Тогда я уже не была в отношениях с отцом Эми, но он проделал путь из Эссекса, чтобы увидеть ее и привез новенькое детское сиденье, чтобы мы смогли забрать Эми домой.

И вот наконец я была в своем новом доме с новорожденной дочерью и вопреки всему надеялась, что мы с ней начинаем новую жизнь, хотя и боялась, что моя старая жизнь теперь будет преследовать меня всегда, что мне никогда не удастся избавиться от клейма дочери Фреда и Роуз Уэст. А даже если и удастся, если получится стереть из памяти отца, отстраниться от мамы, все равно мне будет чего-то не хватать — это чувство потери, пустоты в том месте, которое должна была занимать Хезер. А глубоко внутри эхом отдавался вопрос, на который я никогда не смогу найти ответа: почему выжила именно я? Почему только мне повезло родить своего чудесного ребенка, а не ей?